

Ирина Гапоненко / Irina Gaponienko

Białoruski Uniwersytet Państwowy w Mińsku (Białoruś)
Belarusian State University in Minsk (Belarus)

e-mail: histbl@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0003-4082-447X>

Влияние восточнославянских языков на белорусский язык начала XX в.

The influence of east Slavonic languages on the Belarusian language at the beginning of the XXth century

Wpływ języków wschodniosłowiańskich na język białoruski na początku XX w.

Уплыў усходнеславянскіх моў на беларускую мову ў пачатку XX ст.

Abstract

The article discusses the mutual influences of the Belarusian, Ukrainian and Russian language at the beginning of the 20th century. The quantitative and qualitative analysis of the Ukrainian and Russian elements, along with their derivational and semantic description in terms of their adaptation in Belarus, was based on samples of artistic, journalistic and popular scientific texts. The article uses descriptive, comparative, comparative-historical and statistical methods. The study allowed the determination of the nature and intensity of mutual interaction of related languages at the beginning of the 20th century, and of the influence of extralinguistic factors determining the position of the Belarusian language in the studied period in relation to other East Slavic languages.

It was believed that the peculiarities of the interaction between Belarusian and Ukrainian, and between Belarusian and Russian were conditioned by the functional specificity of vehicular languages: while Belarusian and Ukrainian were on an equal footing in the period under study, the official Russian language played a dominant role over Belarusian.

The analysis showed that the process of appearance of loanwords from Ukrainian and Russian in Belarusian did not have a systemic character, which is confirmed by the analysis of all language levels: phonetic, graphical, lexical, derivational and syntactic. Moreover, at the beginning of the 20th century, the influence of Ukrainian and Russian on Belarusian was not intense, as the Belarusian language of that period absorbed few elements of genetically close languages, which was probably due to the Belarusian linguistic and cultural revival, dominated by the desire to preserve national identity and to limit foreign linguistic influences.

Keywords: Belarusian language, Ukrainian language, Russian language, language contacts, loanwords

Abstrakt

Artykuł przedstawia wzajemne wpływy języka białoruskiego, rosyjskiego i ukraińskiego na początku XX w. Analiza ilościowa oraz jakościowa ukrainizmów oraz rusycyzmów, połączona z ich opisem słotwórczym i semantycznym w aspekcie adaptacji na gruncie białoruskim, została przeprowadzona na materiale tekstów należących do stylu artystycznego, publicystycznego oraz popularnonaukowego. W artykule zastosowano metody: opisową, porównawczą, porównawczo-historyczną oraz statystyczną. Dzięki przeprowadzonym analizom określono charakter oraz stopień wzajemnego oddziaływania spokrewnionych ze sobą języków na początku XX w., a także wpływ na te procesy czynników ekstralingwistycznych, określających w badanym okresie pozycję języka białoruskiego wobec innych języków wschodniosłowiańskich. Sądzone, że białorusko-ukraińskie oraz białorusko-rosyjskie wpływy językowe były uwarunkowane specyfiką funkcjonalną języków kontaktowych: o ile w badanym okresie języki białoruski i ukraiński zajmowały pozycję równorzędną, o tyle oficjalny język rosyjski pełnił wobec języków białoruskiego rolę dominującą. Analiza wykazała, że proces przenikania zapożyczeń z języków ukraińskiego i rosyjskiego do białoruskiego nie miał charakteru systemowego, co potwierdza analiza wszystkich poziomów językowych: fonetycznego, graficznego, leksykalnego, słotwórczego oraz składniowego. Ponadto na początku XX w. wpływ języków ukraińskiego i rosyjskiego na język białoruski nie był intensywny, gdyż białoruszczyzna tego okresu jedynie w niewielkim stopniu absorbowała elementy genetycznie bliskich języków, co najprawdopodobniej wiązało się z ówczesnym białoruskim odrodzeniem językowym i kulturowym, którego dominantę stanowiło dążenie do zachowania odrębności narodowej oraz ograniczenie obcych wpływów językowych.

Słowa kluczowe: język białoruski, język ukraiński, język rosyjski, kontakty językowe, zapożyczenia językowe

Анатацыя

У артыкуле даследуецца спецыфіка ўзаемадзеяння моў беларускага, рускага і ўкраінскага народаў у пачатку XX ст. На матэрыяле мастацкіх, публіцыстычных і навукова-папулярных тэкстаў праводзіцца аналіз колькасных і якасных характарыстык украінізмаў і русізмаў, іх прадметна-тэматычнай аднесенасці, а таксама асаблівасцей фармальнай і семантычнай адаптацыі на беларускай моўнай глебе. У працы выкарыстоўваецца апісальны, супастаўляльны, параўнальна-гістарычны, квантытатыўны метады. Устанаўліваецца залежнасць інтэнсіўнасці і характару ўзаемадзеяння кантактуючых моў ад розных унутрымоўных і знешніх фактараў. Такі аналіз можа дапамагчы выявіць вядучыя інтра- і экстралінгвістычныя фактары, якія прадвызначалі характар міжмоўных сувязей беларускай мовы з іншымі ўсходнеславянскімі мовамі ў пачатку XX ст.

Меркавалася, што асаблівасці беларуска-ўкраінскага і беларуска-рускага моўнага ўзаемадзеяння ў асноўным прадвызначаліся функцыянальнай спецыфікай кантактуючых моў. А менавіта тым, што ў разглядаемы перыяд беларуская і ўкраінская мовы ўзаемадзейнічалі як раўнапраўныя ненармалізаваныя моўныя ўтварэнні, а афіцыйная руская мова выступала ў адносінах да беларускай як відавочна дамінуючая.

У цэлым аналіз паказваў, што пры ўжыванні і ўкраінскіх, і рускіх запазычанняў не назіраецца сістэмнасці. Гэта выяўляецца на ўсіх моўных узроўнях – у выкарыстанні фанем, марфем, сінтаксем, лексем, графем і арфаграм. Аднак, можна канстатаваць, што ўплыў і ўкраінскай, і рускай моў на беларускую мову не вызначаўся глыбінёй, і белару-

ская мова пачатку XX ст. не была перанасычаная элементамі нават генетычна найбольш блізкіх моў. Гэтаму, верагодна, паспрыялі тэндэнцыі беларускага моўнага і культурнага адраджэння, дамінантай якога была арыентацыя на нацыянальную самабытнасць і, адпаведна, на абмежаванне чужых моўных уплываў.

Ключавыя словы: беларуская мова, украінская мова, руская мова, моўныя кантакты, моўныя запазычанні

В истории каждого языка есть периоды специфические по характеру и интенсивности лексических заимствований. Для белорусского языка одним из таких периодов является начало XX в. Как начальный этап формирования молодого литературного языка он отличался высокой активностью проникновения иноязычных элементов, что было вызвано целым комплексом предпосылок и благоприятных обстоятельств. Наиважнейшей причиной стал мощный толчок в направлении развития национального языка, обусловленный процессом возрождения нации. В связи с этим возникла необходимость в номинации ранее необозначенных понятий и реалий, а также в создании научной терминологии и обновлении фактически утерянного за годы упадка белорусского языка пласта абстрактной лексики. Собственные ресурсы белорусского языка, продолжительный период отлученного от своей литературно-письменной традиции и существовавшего почти исключительно в устной форме, были не в состоянии обеспечить такую острую потребность, поэтому обращение к средствам других языков становится естественным и даже в некотором смысле неизбежным компонентом белорусского языкового строительства начала XX в.

В статье осуществляется попытка проследить особенности взаимоотношений белорусского языка начала XX в. с языками ближайших соседей – украинским и русским, генетически относящихся, как и белорусский язык, к восточнославянской языковой группе. Такой анализ может помочь выявить ведущие интра- и экстралингвистические факторы, предопределявшие характер межъязыковых связей на основополагающем этапе развития белорусского языка нового периода, и в целом белорусскую специфику процесса заимствования на указанном временном отрезке.

Фактологический реестр исследования формировался на материале белорускоязычных художественных, публицистических и научно-популярных (как оригинальных, так и переводных) произведений начала XX в. (см. список использованных источников). Также рассматривались периодические издания того времени – газеты „Наша Ніва” (1906–1915), „Наша Доля” (1906), „Дзянніца” (1916), на страницах которых иноязычный пласт очень представительный, поскольку произведения периодики, как наименее консервативного жанра, легче воспринимают различные словесные нововведения и „скорее, чем художественный текст «переваривают» новые слова” (Filin, 1981, s. 204).

Отбор единиц анализа проводился согласно следующим принципам. В число украинских и русских заимствований включались, во-первых, слова, которые сохранили в принимающей среде „родимые знаки” (Сучун, 1975, s. 143) своего происхождения – формальные (фонетические или структурные) иноязычные признаки, и, во-вторых, собственно лексические элементы, отнесение которых к заимствованиям базируется на фактах их наличия в языках-источниках при отсутствии в словаре белорусского языка (Karalewicz, 1997, s. 222). При этом для выяснения происхождения и семантики слов использовались белорусские, русские и украинские лексикографические издания конца XIX – начала XX в. (Nosowicz, 1870; Dal, 1882; Нгунценко, 1907–1909), а также современные толковые белорусские и украинские словари (Крапіва (Atrachowicz), 1978–1984; Віодід, 1970–1980). Обращение к современным сборам лексики при исследовании языкового материала начала XX века, на наш взгляд, оправдано тем, что хронологически близкие к рассматриваемому периоду словари белорусского и украинского языков недостаточно полные и к тому же различные по типу, а это затрудняет сопоставление их данных. Существенно также, что основной состав и характерные черты лексико-семантических систем новых белорусского и украинского языков определились именно в XIX – начале XX в., т.е. резкой границы между современной лексикой и лексикой начала XX в. у этих языков нет. А значит, применение современных словарных фактов при анализе украинского и белорусского языков того времени может считаться в определенной степени допустимым.

В целом выявление украинизмов и русизмов в белорусском тексте даже в отношении современных языков связано с достаточно большими сложностями, исходя из генетического родства украинского и русского языков с белорусским, общности основных тенденций их развития и тесных межъязыковых контактов. Тем более непросто решить этот вопрос в отношении периода начала XX в. Например, как утверждают исследователи, в словарном составе белорусского и русского языков отмечается около 42% лексических единиц с общей корневой морфемой (Szknaj, 1989, s. 8). Так называемые регулярные фонетико-морфологические белорусско-русские отличия в основном представляют собой набор графических и фонетико-орфографических черт (Szknaj, 1989, s. 8–9). Поэтому они далеко не всегда могут быть учтены при анализе белорусского языка начала XX в., который в это время был ненормализованным в графико-орфографическом отношении. Нерегулярные фонетико-морфологические отличия, связанные с: а) заменами одного или нескольких гласных или согласных в сопоставляемых языках (*аселасць* – *оседлость*, *баразна* – *борозда*, *акенца* – *оконце*); б) разной грамматической принадлежностью (бел. *боль* муж. род – рус. *боль* жен. род); в) несовпадением словообразовательных аффиксов (*адзін-к/а/* – *един-иц/а/*) или аффиксальных морфем образующих основ (*асаблів-асць* – *особенн-ость*; *акіслаль-нік* – *окисли-тель*) (Szknaj, 1989, s. 10–11), не являются закономерными и их определение не имеет системного характера. Дифференциальную же белорус-

скую, украинскую и русскую лексику рассматриваемого периода, как уже говорилось, приходится выделять ретроспективно, что также не упрощает ситуацию. В своем исследовании мы попробовали отмечать только те единицы, украинское и русское происхождение которых выглядит достаточно определенным.

1. Особенности внешних условий языкового контактирования

Белорусско-украинские языковые связи имели устойчивую традицию, начиная с периода вхождения белорусских и украинских земель в Великое княжество Литовское, а затем в Речь Посполитую. Украинские и белорусские письменные памятники XIV–XVII столетий демонстрируют столько общих черт, что их размежевание находится в ряду наиболее сложных проблем славянского языкознания (Aniczenko, 1969, s. 4–5), а некоторые исследователи вообще предлагают называть язык письменности того периода украинско-белорусским или белорусско-украинским (Rusaniwskij, 1973, s. 11). В начале XX в. языковые контакты близкородственных этносов, которые вновь оказались в составе одного государственного образования – Российской империи, не прервались, хотя акценты их несколько сместились. Функционирование белорусского и украинского языков в это время протекало в условиях отсутствия национальной государственности, оба языка являлись ненормализованными и не использовались в официальных сферах. Тем не менее, после того, как в XIX в. и белорусское, и украинское печатное слово подвергалось преследованиям, запрещалось или ограничивалось рядом циркуляров, в начале XX в. существенно активизировался процесс возрождения обоих языков на народно-диалектной основе. В целом в рассматриваемый период белорусский и украинский языки взаимодействовали как равноправные языковые образования.

Русский язык, который до XVIII в. фактически не имел живых (устных) контактов с белорусским (Michniewicz i Hirucki, 1990, s. 19), в начале XX в. приобрел определенный функциональный статус непосредственно на территории Беларуси, а именно использовался в качестве государственного языка, что существенно поддерживало его естественные связи с белорусским языком. Русско-белорусские контакты в указанный период развивались на фоне жесткой русификаторской политики российского правительства, в результате чего русский язык выступал по отношению к белорусскому как явно доминирующий.

2. Количественные характеристики

Украинизмы в белорусских письменных текстах начала XX в. были малочисленной группой: они составляли 0,3–0,6% в общем лексическом составе белорусского языка. Исключением не являлись и переводные с украинского языка

произведения, хотя по причине неразработанности белорусских языковых норм вероятность активного проникновения в тексты переводов элементов исходного языка была достаточно высокой.

Необходимо заметить для сравнения, что в XIX в. в некоторых белорусских, в особенности переводных, текстах украинские заимствования были заметным явлением: в *Энэідзе навыварат (швидчей, швидко, якась, за тее, чи)*, в произведении *Про богацтво да бьедносць* И. Подолинского (*жальезница, чумакаваць, балакали, гарним, хоч, льедашчу, нье роблючы, шукаймо, мајемо, мусимо* и т.д.) (цитируется по: Вулашан, 1958, с. 39–41), в отдельных фрагментах брошюры под общим названием *Разказы на бѣлорусском наречіи (князь Кыѣвський Владыміръ, забывь [убил], щобъ, стиною ходывъ, за бидныхъ, пысала, диды, дывный, дытыну, нывжежъ, вить* и т.д.). Значительное снижение числа украинизмов в начале XX в. можно, вероятно, связывать с тем, что к этому времени дифференциальные отличия белорусского и украинского языков окончательно определились и начали достаточно четко опознаваться носителями языков.

Русизмы демонстрируют более широкую представленность в белорусском языке начала XX в.: их насчитывается приблизительно 3–4 % в общем лексическом составе.

В рамках конкретных изданий количественные характеристики единиц русского происхождения существенно варьируются. В частности, большее или меньшее количество русизмов могло быть авторской особенностью. Русизмы, например, чрезвычайно выразительное отличие произведений Александра Пшелко, они отмечаются в ранних изданиях Якуба Коласа и Янки Купалы, но при этом у Коласа русскоязычная струя более заметна.

3. Типы заимствований

3.1. Фонетические заимствования

К фонетическим заимствованиям украинского происхождения можно отнести отдельные слова с характерным для украинского языка смешением [ѣ] и [и] (*світ*), [ы] и [и] (*наймыт, праклынае, блыскаць, блыскавіца, абшыр*), заменой [о] и [и] (*скікалі*), характерными результатами чередования согласных (*адначэ*) и метатезы (*вядзьмедзь*), слова с приставным согласным [г] (*гастрыць, гостра*), слова, в которых передаются отдельные украинские языковые особенности (*гвінт, гвінтоўка*).

Фонетические русизмы также немногочисленны. Это слова с неполногласными сочетаниями, которые в принципе являются церковнославянизмами, но в отношении белорусского языка, вероятно, есть основания относить их к числу русизмов (*враг (ураг), смрад*); слово *почта*, в котором в отличие от белорусского *пошта* не осуществилась диссимиляция в сочетании *чт*; слов *убожэства*, где не отразилось слияние [жъс] после падения редуцированных в [с], что характерно

для белорусского языка; слова *усех, только, горэч*, в которых передаются русские производительные особенности.

3.2. Морфологические заимствования

Из морфологических украинских особенностей наиболее регулярно отмечается суффикс *-мо* (*наплачемо, знаемо, пашукаймо, заначуемо, пабачымо*) и инфитивный суффикс *-ці* после основы глагола на гласный (*казаці, караці, паўстаці, змагаці, агледаці, ажыўляці, брадзіці, будзіці* и т.д.).

Отнесение единиц с указанными формальными признаками к фактам украинского языка, несмотря на их представленность также и в отдельных белорусских говорах (преимущественно пограничных с Украиной), на наш взгляд, оправдано хотя бы тем, что многие исследователи считают такие особенности дифференциальными для белорусского и украинского языков даже в отношении древнего периода (Aniczenka, 1969, s. 18–23; Żurawski, 1967, s. 10). Имеет значение и то, что хотя в белорусском языке начала XX в. в условиях отсутствия четких норм на письме могли отражаться разнодиалектные особенности, однако диалекты, которые оказывали ведущее влияние на формирование нового белорусского языка уже в достаточной степени определились (в основном, исследователи относят к ним центральные белорусские говоры (см. Wajtowicz, 1954, s. 173; Kramko, Jurewicz i Janowicz, 1967, s. 45), и их характерные черты имели явный приоритет при передаче устной белорусской речи на письме. Говоры белорусско-украинского пограничья в число таких влиятельных диалектов не входили и чрезвычайно редко служили источником письменных форм. Это является косвенным свидетельством в пользу украинского происхождения перечисленных выше написаний. Основанием для того, чтобы квалифицировать их как единицы украинского происхождения, служит также факт достаточно регулярного употребления таких форм в изданиях переводных с украинского языка.

Словообразовательные украинизмы представлены словами *аслона* (бел. *заслона*), *хаванне* (*пахаванне*), *сіха* (*ціха*), *безкарна* (*безпакарана*), *азброены* (*узброены*), *зслабець* (*саслабець*), *зважна* (*паважна*), *гойны* (*гаючы*), *заўчасу* (*заўчасна*).

Среди типично русских морфем, отмеченных в рассмотренных изданиях, можно назвать:

- суффикс *-цель*¹: *абвініцель, валадзецель, тисацель, прадсядацель, прадцацель, попячыцель*;
- префикс *пол-, полу-*: *полустол, полувыспа, полуостроў, полукошык, полсажня*.

Встречаются слова, которые отличаются способом словообразования от белорусских соответствий: *давольны* (при бел. *задаволены*), *пявец* (*спявак*),

¹ Суффикс *-тель* не является исконно русским, но в русском языке он значительно более употребительный и продуктивный, чем в украинском, а тем более в белорусском (см. Kowalik, 1975, s. 167; Krukouski, 1978, s. 57; Szkraj, 1989, s. 12).

а также слова с аффиксами, отличными от белорусских: *абеспечэньне* (при бел. *забеспячэньне*), *васход* (*усход*), *дань* (*даніна*), *прывет* (*прывітанне*), *прыязнь* (*прыязнасць*), *славар* (*слоўнік*), *увядаміць* (*наведаміць*), *угроза* (*пагроза*), *узрослы* (*дарослы*) и т. д. В отдельных случаях словообразовательные отличия комбинируются с грамматическими: *упорства*, ср. род (при бел. *упартасць*, жен. род).

3.3. Синтаксические заимствования

Этот вид заимствований отмечается только в отношении русизмов. Влияние русского синтаксиса в проанализированных белорусских текстах проявилось прежде всего в употреблении причастных оборотов с причастиями несовершенного вида настоящего и будущего времени на *-юць*, *-уць*, *-ви*, которые в белорусских текстах заменялись на *-юч*, *-уч*, *-ўш*: „дзед... паглядаў на другі бераг, залітый сонцэм ды заросшы дробнай лазой” (Horki, 1910, s. 2); „сядзіць [стары] маўчком, апусціўшы многа пажыўшую на сьвеці пасівелую галаву” („Nasza Niwa”, 1912, 14, s. 1); „Язэп, як часцей ходзючы каля баццюшкі ... вырваў у Гароніма харонгу і панёс” („Nasza Niwa”, 1913, 16–17, s. 2). Кроме того, встречаются кальки русских слов и словосочетаний, которые связывают члены простого предложения и части сложного: „Не ўдалася ім [Сёмку і жонцы] гаспадарка да і цяжка з апухшымі рукамі і нагамі поле араць” (Harszyn, 1914, s. 4); „Маскоўскіе воеводы прысталі на яго просьбу с тым, каб праз усю ноч не чуто было ў горадзі стуку тапара” („Nasza Niwa”, 1910, 6, s. 92); „каб пазычыць грошы [у суполцы] трэба было выстарацца двух паручыцелёў, прычым адзін з іх павінен быў быць хрысціянінам” („Nasza Niwa”, 1912, 5, s. 2).

3.4. Собственно лексические заимствования

К этому типу можно отнести украинские лексемы *акульбачываць*, *ашустаць*, *бажаць*, *батагі*, *braniec-niawolnik*, *бранка*, *вошуст*, *вылог* [по краю одежды], *галда*, *гарны*, *донька*, *дружына*, *заводзяць* [ваўкі], *знушчацца*, *зорыць*, *покі*, *правіна*, *разовы*, *ратай* и др.

К числу украинизмов, которые были заимствованы белорусским языком начала XX в., исследователи относят также лексемы типа *асобнасць*, *грамадзянін*, *гурток*, *дзеяч*, *змест*, *зносіны*, *кабзар*, *нагода*, *нізка*, *паверх*, *падробка*, *пастанова*, *пісьменнік*, *прымета*, *чытач*, *хлебароб*, *шкаляр*, *даслаць*, *нагадаць*, *надаслаць*, *напярэдадні* и др. (см. Вачаўкоу, 1994, s. 96). Квалификация таких единиц как лексем украинского происхождения базируется на факте более ранней их фиксации в украинском языке в сравнении с белорусским. Однако большинство их настолько натурально влились в белорусскую языковую систему и прочно в ней закрепились, что признаки иноязычности уже в начале XX в. почти полностью перестали проявляться. По этой причине подобные слова в статье не относились нами в число заимствований и не включались в анализ.

Среди русизмов единицы особенно частые: *сметр*, *вакруг*, *дастоенства*, *игра*, *пусьцяк*, *вапрос*, *жалаба*, *яшчык*, *смета*, *абида*, *прымер*, *журнал*, *бумага*,

прэдпрыяцьце, таргоўля, друг, прадацель, праічаньне, ветка, вопрос, полка, поезд, железнодарожник, цяжасьць, жыцель, дзело, дзерава, граза, вред, васьход, узрыў, возваньне, узятка, воздух, павец, правіцельства, выпоўніць, зеваць, увядоміць, абьясьніць, безудержны, плашмя, вакруг, напрасна и т.д. Возможно, количественное доминирование собственно лексических русизмов над остальными группами русских заимствований объясняется тем, что фонетико-морфологическая система белорусского языка к началу XX в. окончательно оформилась, и заимствования в эту сферу попадали только случайно. Лексика же как пласт наиболее „открытый”, лояльный к проникновениям, достаточно активно воспринимала русские элементы.

3.5. Графико-орфографические заимствования

Украинское графико-орфографическое влияние можно констатировать только в отдельных белорусскоязычных изданиях начала XX в. Так, в петербургской газете „Дзянніца” практиковалось регулярное употребление буквосочетания *ьо* для передачи [o] после мягких согласных (*уцьо, жыцьцьо, зямлюю, с Пятрусьом*) и *йо* для передачи йотированного [o] в начале слова и после гласных (*йокнула, йон, йосьць, майо, ручайочкі, у гайочку*), в чем видятся параллели с популярным в начале XX в. украинским правописным вариантом Кулиша – Желеховского. Диграф *йо* в обозначенной позиции встречается и в некоторых других белорусских изданиях этого времени (в книге Марии Косич *На тиресяленьня, Жалейцы Янки Купалы*, в газете „Наша Доля”), но, как правило, только спорадически и непоследовательно – параллельно с графическими вариантами *ё, ю, ю*. Два последних случая можно квалифицировать как заимствование характерного для польского языка приема обозначения мягкости предыдущего согласного.

Русское графико-орфографическое влияние в белорусских изданиях начала XX в. (оформленных кириллицей)² было более заметным. Особенно ощутимо оно проявлялось на графическом уровне. В первые несколько лет XX в. русская „гражданка” (русский вариант кириллицы) заимствовалась почти механически. Из нее в белорусский алфавит перешли абсолютно все графемы, включая избыточные:

- наряду с буквой *е* для обозначения одного и того же звука употреблялась буква **ѣ**: *узелоѣ, светѣ, змиреньѣ* и *мѣсто, лѣс, ѣдзяць, на вайнѣ*;
- после конечного согласного писалась буква **ь** – знак для исчезнувшего носового гласного неполного образования: *Богь, мядочэкь, самодержаўныхь, летамь*;
- звук [и] обозначался двумя буквами – *і* (десятиричным) и *и* (восьмеричным). Как и в русском языке, при использовании этих знаков опирались

² В начале XX в. для белорусского языка была характерна графическая двойственность: при оформлении изданий параллельно использовались два типа шрифта – латинский и кириллический.

на условное правило, согласно которому буква *и* писалась перед согласными (*сьвиснуло, у двоих, винень*), а *і* перед гласными, полугласным [j] и перед [у] неслоговым, который, видимо, также считался полугласным (*царскіе, лінія, вялікій, бііце, зь сїўкай, пабіў, настанавіў*).

Вместе с тем белорусский кириллический алфавит не был точной копией с русского. Своеобразие ему прежде всего придавали графемы, предназначенные для передачи специфических белорусских звуков: диграфы *дз, дж* для обозначения звонких аффрикат [дз], [дж] (*дзьверы, дзень, хаджу, дождж*), буква *ў* для [у] неслогового (*доўга, браў, ўсё, ўпередь, ў школы*). Позднее 1906 г. белорусский кириллический алфавит приобретает еще более самостоятельный, отличный от русского образца, вид, поскольку в белорусских текстах кириллицей постепенно исчезает графическая избыточность: звук [и] начинает однообразно передаваться буквой *і*; перестают использоваться графемы **Ѣ** и **ѣ** (кстати, раньше, чем в русском языке, где эти знаки были выведены из употребления только во время орфографической реформы 1917–1918 гг.).

К числу орфограмм, заимствованных из русского языка, можно отнести: а) необозначение характерного для белорусского языка отпадения [j] на конце прилагательных мужского рода единственного числа именительного падежа: *маладыі, усякій, васенній*; б) неизменное написание буквы *з* в приставках: *разпытваючы, раскрыжаванне, зсеклі, зслабее, разлилося, зламалі*; в) оформление слов иностранного происхождения типа *акцыя, дэлегацыя* с *і* после суффиксального *ц*: *бюрокрація, адміністраціі, патрыціі*.

3.6. Заимствования как стилистические элементы

По свидетельству исследователей, взаимодействие белорусского языка с украинским именно на стилистическом уровне имеет давнюю традицию. Уже в XIX в. наблюдалось не только употребление отдельных украинских языковых единиц в качестве экспрессивно-стилистических средств, но и заимствование определенных стилистических приемов (например, использование в художественном произведении элементов разговорного стиля, бытовой и экспрессивно окрашенной лексики) (Булаchau, 1958, s. 38–41).

В белорусских текстах начала XX в. украинизмы достаточно регулярно выступают не только как номинативные, но и как стилистические элементы, причем такая роль для них более характерна, чем для русизмов. Например, в качестве средства стилизации текста украинизмы использованы в *Бандароўне* Янки Купалы: „Як панеслі Бандароўну на вечна хаванне...; Асьцярожна, ясны пане, з грозьбамі сваімі!; Неспакоен пан Патоцкі у сваёй правіне...; Уцякай жэ за пагодай донька маладая...” („*Nasza Niwa*”, 1913, 29, s. 1–3). Стилистическая функция постепенно становится характерной для такой разновидности украинизмов, как глаголы в инфинитивной форме на *-ці*, которые приобретают стойкую принадлежность к поэтической сфере, во всяком случае в проанализированных стихотворных текстах такие формы встречаются значительно более регулярно, чем

в прозаических: „Хто цвяточкі на магілі будзе паліваці? Мой ты Божэ! навучы, дзе Мне сябе схавачі?” (Szauczenka, 1911, s. 29).

В языке отдельных писателей отмечается и стилистическое использование русскоязычных единиц. Например, в рассказе Якуба Коласа *Соўкі падвёў* в речи одного из персонажей – урядника – регулярно встречаются выражения типа, „па-дазрыцельны чалавек, праступник, звольце паказаць, гдзе ён, зьвінецце [извините], маю чэсць лична далажыць вам” („Nasza Niwa”, 1907, 30, s. 2–5).

4. Предметно-тематическая отнесенность

Преобладающая тематическая отнесенность украинизмов в белорусских текстах начала XX в. не определяется. Можно только отметить, что единицы украинского происхождения преимущественно являются лексемами с конкретным значением (*батог, блискавіца, згук, вывар, ратай, бранка, аслона*), а отвлеченные понятия передаются с помощью украинских заимствований значительно реже (*грозьба, болесьць, галда*). Среди зафиксированных украинизмов самую большую группу составляют глаголы действия: *бажаць, воліць, абымаць, скікаць, зорыць, гастрыць, вартаваці* и др.

Русизмы не имели строгой и точной принадлежности к конкретной тематической группе лексики, однако при их употреблении все же прослеживаются некоторые закономерности. Наибольшее количество русизмов относится к разряду книжной, в частности отвлеченной, лексики: *абіда, вред, вучыцельства, дастоенства, жалаба, праішчаньне, прымер, пусыцяк, упорства, цяжасьць*. Распространены русизмы также среди слов из общественно-политической сферы (*абьяўленне, воззваньне, правіцельства, прасвешчаць, раўнапраўе*) и канцеляризмов (*дзелопроіздзіцель, пісьмоводзіцель, прыпаручыць, смета, шчатаводства*). Русизмы нередко встречаются и в общеупотребительной лексике: *агонь, бумага, ветка, граза, дзерава, журнал, поезд, узрыў* и т.д., но, характерно, что для обозначения бытовых понятий они используются лишь спорадически: *скаварада, яшчык, полка, водка*.

5. Адаптация заимствований

5.1. Формальная

5.1.1. Фонетическая

Основным материалом при изучении фонетической адаптации иноязычных слов в белорусской среде служит графико-орфографическая передача звуков в письменных текстах. Необходимо отметить некоторую условность выводов, основанных на такого рода материале. Однако необходимо учитывать, что белорусское правописание рассматриваемого периода было ненормализованным,

поэтому могло „с большой точностью отразить модификации звукового состава иноязычного слова” (Birżakowa, Wojnowa, Kutina, 1972, s. 182). К тому же белорусское письмо очевидно развивалось в направлении фонетизации. Исходя из этого, можно говорить про соответствие, по крайней мере, относительное, графико-правописного оформления и произношения звуков.

Как показал анализ, украинизмы в своем большинстве подчинялись действию фонетических законов принимающего белорусского языка. В них передается аканье (*абшыр* – укр. *обшир*, *адначэ* – укр. *одначе*, *акульбачываць* – *окульбачити*, *аслона* – укр. *ослона*, *безкарна* – укр. *безкарно*), мягкие [д] и [т] обозначаются через *дз* и *ц* (*болесьць* – укр. *боліть*, *вядзьмедзь* – укр. *ведмідь*). Внешние признаки иноязычности украинизмы сохраняют редко, преимущественно в тех случаях, когда они употребляются как средство стилизации: *світ*, *наймыт*, *скікалі*.

Русизмы также характеризуются высокой степенью освоенности на фонетическом уровне. Только немногие из русских единиц сохранили полностью свой исходный облик: *враг*, *железнодорожник*, *вред*, *воззванье*, *вопрос*. Большинство же русизмов изменялось в соответствии с законами белорусской фонетики: *славар*, *вакруг*, *дастоенства* (аканье), *пявец*, *прадсядацель* (яканье), *жыцель*, *дзело* (деканье и цеканье, твердость шипящих), *прэпрыяцьце*, *прашчаньне* (удвоение согласных), *прымер*, *прыязнь* (твердость [р]), *вум*, *вучыцельства* (приставной согласный), *вытоўніць* (переход [л] в [у] неслоговое).

5.1.2. Морфологическая

Морфологическая структура и исходные грамматические показатели украинизмов и русизмов в белорусских текстах в большинстве случаев сохраняются. Зафиксирован только один пример смены родовой принадлежности – *вылог* (мужской род) от украинского *вылога* (женский род). Однако отсутствие выразительных трансформаций на этом уровне является скорее не показателем недостаточной морфологической освоенности украинизмов и русизмов, а следствием подобия грамматических категорий и их формальных признаков в белорусском, украинском и русском языках.

5.1.3. Словообразовательная

В области словообразования важным показателем глубины освоения слова является его способность в той или иной степени вступать в словообразовательные отношения. В проанализированных текстах словообразовательная активность украинизмов проявляется в редких случаях, а словообразовательные ряды при этом включают не более двух членов: *абымкі* – *абымаць*, *аднаковы* – *аднакова*, *блыскаць* – *блыскавіца*, *браніес* – *бранка*, *гарны* – *гарно*, *гостра* – *гастрыць*, *ратай* – *ратайка*.

Русизмы на этом уровне были освоены неравномерно. Большинство русизмов, в особенности безэквивалентных, были активными в плане словообразова-

ния: *адзевачца* – *адзеты*, *вред* – *врэды*, *вучыцель* – *вучыцельскі* – *вучыцельства*, *жалець* – *жалка*. Если русское и белорусское слова образовывали синонимические пары, то чаще всего производные имели оба ее компонента: *абіда* (*абідзіца*, *абідна*) – *крыўда* (*крыўдаваць*, *крыўдзіць*, *крыўдзіцель*), *таргаваць* (*таргавацца*, *тарговы*, *таргоўля*, *тарговец*, *таргово-прамысловы*) – *гандляваць* (*гандлёўны*, *гандлёвы*, *гандаць*, *гандляр*). Некоторое количество русизмов зафиксировано в отрыве от словообразовательной парадигмы как пассивные дубликаты собственно белорусских лексем (см. Łamieko, 1985, s. 121), причем соответствующая им белорусская лексема обязательно имела производные: *друг* (*сябар* – *сябраваць*, *сябрук*), *прадаць* (*зраднік* – *зрада*, *зрадзіць*), *прывіўка* (*прышчэпка* – *прышчэпніць*, *прышчэплены*).

5.2. Семантическая

Семантическая адаптация иноязычной лексики в любом принимающем языке существенно отличается от адаптации формальной. В ходе фонетического и морфологического освоения чужие слова, как правило, не в состоянии пошатнуть устойчивость соответствующих системных уровней и поэтому занимают зависимое положение в новой языковой среде. Основным направлением развития их формы является нивелировка исходных формальных черт и постепенное более или менее полное подчинение фонетическим и морфологическим законам языка-реципиента. Характерная же особенность семантической адаптации заключается в том, что в этом случае характеристики заимствований формируются под перекрестным воздействием двух языковых систем: исходной и принимающей. Причем в конкретных случаях преобладающим может являться как импульс к семантическому изменению под влиянием принимающей системы, так и тенденция к сохранению аутентичного значения.

В целом семантика заимствованных украинских и русских лексем для носителей белорусского языка в начале XX в. была полностью прозрачной. Об этом свидетельствует тот факт, что зафиксированные заимствования в преобладающем большинстве случаев включались в контекст без дополнительных пояснений (украинизмы: „Зычымо ім [украінцам] дабыць усё, чаго жабаюць...” („Nasza Niwa”, 1907, 11, s. 4); „Рождэва кветка на цёмна-буйных валасах белай пані схінулася як бранка ў няволі...” („Nasza Niwa”, 1912, 12–13, s. 1); „Максім сабе паехаў, а Банадысь і жывіны дагледзь, і дзяцей дагледзь, і дружыну адзень” („Nasza Niwa”, 1913, 11, s. 2); русизмы: „Барон сказаў, што ніякіх жалабоў на ўласці не было” („Nasza Niwa”, 1907, 21, s. 2); „Нідаўна уцёк с Кацерынослаўля дзалапраіздзіцель сыскнога адзеленьня Белаусов” („Nasza Niwa”, 1913, 7, s. 4) в отличие от заимствований из европейских языков, например, „праект Рэформы (перастройкі) сэнацікх дэпартаменту” („Nasza Niwa”, 1913, 14, s. 1); „гасударствены бюджэт Расеі (прыходы і расходы казны)...” („Nasza Niwa”, 1911, 42, s. 1).

Украинские лексемы в белорусском языке начала XX в. не имели самостоятельного значения, которое бы расходилось со значениями их в языке-источни-

ке. Случаев полного семантического переоформления не зафиксировано вовсе. Примеры же частичных семантических изменений при введении заимствованных украинских лексем встречаются, но исключительно редко. Так, украинская лексема *вылужыць*, которая в языке-источнике имеет значение ‘добивати за допомогою води або певних розчинів з твердих речовин якусь їх складову частину...’ в белорусском контексте употребляется в значении ‘выштурхнуць’: ‘...– Дзе? Што? – спытаў бацька апаўшым голасам, а сам пачуў, як уся яго скура як бы стала сцягацца, каб вылужыць яго цела’ („Nasza Niwa”, 1912, 5, s. 3).

Наибольшие шансы попасть в белорусский язык без каких-либо трансформаций имели однозначные украинские языковые единицы, например, не изменила своего исходного значения при освоении белорусским языком лексема *ратай* ‘плугатар, орач’: ‘...Вось і птушкі пяюць, вась і кветкі цвітуць – Прыляцела вясна! Ратай ў полі гарэ, весяло на дварэ, Зеленае трава’ („Nasza Niwa”, 1912, 25, s. 3).

В преобладающем большинстве случаев из всех значений многозначных заимствованных украинских лексем в белорусском языке получали распространение только некоторые из них, чаще всего – только одно. Например, украинская лексема-полисемант *заводзіць*, которая исходно имела два значения – ‘видавати низькі протяжні звуки, вити, завивати, кричати (про тварин и деяких птахів)’ и ‘голосно плакати, приказуючи, голосити (про людей)’ – в белорусском языке демонстрирует только первое из них: ‘...Не віхор калышэ лесам, не ваўкі заводзяць’ („Nasza Niwa”, 1913, 29, s. 1). Аналогично освоена лексема *знушчацца*: в украинском языке она передает понятия ‘заподіювати муки, страждання кому-небудь’ и ‘зле висміювати кого-, що-небудь, глузувати з когось, чогось’, а в белорусском – только понятие ‘здзеквацца, глуміцца’: ‘...Душа твая [Полюяна] рвалася да родных ніў, да людю сермяжнаго і загнаннаго, але злая доля знушчалася над табой’ („Nasza Niwa”, 1910, 18, s. 275).

Конкретные критерии отбора семантических признаков украинизмов в белорусском языке начала XX в. по причине малочисленности единиц анализа выявить практически невозможно.

Русские лексеммы в белорусском языке начала XX в. на семантическом уровне осваивались во многом похожим образом. Они не развивали значений, отличных от исходных, не подвергались полному семантическому переоформлению. Отмечены только единичные случаи частичных семантических изменений. Так, с некоторыми оговорками к ним можно отнести результаты освоения лексеммы *словарь*, которая у Владимира Даля имеет значение ‘речникъ, лексиконъ; сборникъ словъ, реченій какого-либо языка, съ толкованьемъ или съ переводомъ’, а в белорусском языке означает – ‘сукупнасць слоў, якія выкарыстоўваюцца кім-небудзь’: ‘...Ni ў adnaho našaho паэту nima takoha bahataha sławara, jak u Купаў’ („Nasza Niwa”, 1911, 3, s. 39).

Наиболее регулярно и полно сохраняют исходную семантику русские лексеммы-моносеманты, например, лексема *житель*, упоминаемая в словаре В. Даля в значении ‘проживающей гдѣ постоянно, осѣдло или кочевьемъ’, не измени-

ла яго на беларускай почве: „Nieŭradźaj siolietni u Sybiry dobra daŭsia u znaki tamtejszym žycielam” („Nasza Niwa”, 1910, 3, s. 54). В своем исходном значении использованы в белорусских текстах и такие однозначные русские лексемы как *предатель*, *препоручить*, *письмоводитель*, *счетоводство*, *привет*, *прощанье*, *плашмя* и многие другие.

Русские многозначные лексемы, как правило, в белорусской языковой среде реализовывали только свои отдельные значения, хотя в отношении русизмов существовала реальная возможность того, что на фоне русскоязычной экспансии преобладающим типом взаимоотношений белорусского и русского языков на семантическом уровне могло стать механическое перенесение русских лексических единиц во всем семантическом объеме. Однако развития белорусско-русских взаимоотношений в таком направлении не произошло. Например, русская лексема-полисемант *правительство* в словаре В. Даля означает ‘правление или управление, начальствование; || степень, сила и пространство, область власти начальника; || начальство, власти, совокупность сил управления’. В белорусских текстах начала XX в. яно зафиксировано только в третьем из указанных значений: „Близка ўсе расходы Дума зацьверджае так, як напісала правіцельства” („Nasza Niwa”, 1908, 9, s. 3).

В отношении русизмов с определенной долей уверенности можно утверждать, что основным показанием при отборе служил характер значения. Из всех семантических признаков русских лексем приоритетными типами значений были терминологические, переносные и связанные значения. Проиллюстрируем это примерами. Так, значение лексемы *смета* в белорусском языке соответствует только одному из ее значений в словаре В. Даля, которое можно обозначить как значение терминологического характера, — ‘примѣрный расчетъ, расцѣнка, роспись вѣщамъ, припасамъ, доставке, цѣнамъ, работамъ, на какое-либо дело...’: „У ваўторак [Дума] павінна была разгледаць смету даходаў і расходаў гасударственных” („Nasza Niwa”, 1914, 16, s. 1). А, скажем, при заимствовании лексемы *ветка*, из всех русских значений в белорусском языке прочно закрепилось одно переносное значение, которое у В. Даля обозначено как ‘всякое боковое, побочное распространение, развѣтвление, отростокъ, одна половина развилины’: „На ветцѣ жел. Дар” („Nasza Niwa”, 1910, 19, s. 298). В прямом значении ‘отрасль, побѣгъ дерева изъ сука’ это слово отмечено только в стихотворных текстах, и не исключено, что здесь оно употреблено, исходя из требований рифмы: „Raspuściŭšy wietki U hluchim prywollu, Sam adzin raście jon Na dalokim Poli” („Nasza Niwa”, 1911, 23, s. 296). Русская лексема *вопрос* в белорусских текстах встречается только в составе связанного сочетания: „На сягодняшнім засяданні разбіралі „аграрны вѣспрос” (зямельную справу) (”Nasza Niwa”, 1907, 4, s. 2), а другие ее значения передаются белорусской лексемой *пытанне*. Узкоспециальные (а также областные) значения русизмов не освоены белорусской принимающей системой. Например, из множества значений лексемы *сковорода*, зафиксированных в словаре В. Даля, в белорусском языке начала XX в. отмечено только

одно – ‘кухонная посуда, для жаренья, пряженья; желѣзная и чугунная тарелка’: „Запишчали ў печы скварки, аж звиниць скаварада” („Nasza Niwa”, 1908, 7, s. 5), а другие значения (напр., заводск. ‘чугунный сосудъ, для выпуска изъ плавильной печи лишка роштейна або’ ярс. ‘сводъ русской печи’) неупотребительны.

Указанные закономерности не были абсолютными и обязательными. А в ряде случаев установить, согласно каким принципам в белорусской принимающей среде закрепились те или иные значения русских лексем, не представляется возможным.

6. Востребованность заимствований в принимающей среде

Украинизмы в системе белорусского языка начала XX в. не относились к разряду безэквивалентной лексики (исключая разве что *батагі, галда*) и в большинстве случаев имели собственно белорусские соответствия: *вядзьмедзь – мядзведзь, наймыт – найміт, бранец – палонны, донька – дачка, зорыць – пазіраць, ратай – араты, аратай, гарны – прыгожы* и т. д. При этом в украинско-белорусских парах, зафиксированных в картотеке *Слоўніка мовы „Нашай Нівы”*, который достаточно объективно отражает состояние белорусской языковой системы начала XX в. (готовится к изданию в отделе лексикологии и лексикографии Института языкознания имени Якуба Коласа НАН Беларуси, на данный момент вышло из печати 3 тома из 5 запланированных), белорусская составляющая обычно употребляется значительно чаще: *бажаць (5) – жадаць (23), донька (1) – дачка (20), знушчацца (2) – здэквацца (13), ратай (3) – араты (7), гойны (1) – шчодры (3), правіна (2) – віна (11), покі (11) – пакуль (98), гарны (1) – прыгожы (13), адначэ (4) – аднак (14), аслона (1) – заслона (4)*.

Русские заимствования также, как правило, употреблялись не монополюно, а в качестве семантических дублетов белорусских лексем. Так, значение ‘несправядлівыя ўчынкі; папрок, абраза’ имели русская лексема *абида* и белорусская *крыўда*, значение ‘свабодная прастора над зямлёй’ – лексемы *воздух* и *паветра*. Параллельно, в одних и тех же значениях, употребляются русизмы *правицельство, займ, водка* и белорусские лексемы *урад, пазыка, гарэлка* и др. Показателен в этом плане и следующий пример: „Такога палахліваго і баязліваго чэлавека як ён [Мікола Гляк] трудна знайсці” („Nasza Niwa”, 1912, 5, s. 3). Меньшая часть русских заимствований не делила определенные семантические ниши с белорусскими словами и функционировала безэквивалентно, при отсутствии в проанализированных текстах соответствующего слова, которое позднее закрепились в качестве нормы современного белорусского языка: *васілёк, выпоўніць, дапрос, зеваць, жалаба, смета, узрыў, яшчык* и некоторые другие.

Согласно с данными анализа, примерно две трети русских единиц употреблялись как дублеты белорусских лексем: *абьясніць – растлумачыць, вакол – вакол, вапрос – пытанне, дастоества – годнасць, ігра – гульня, пусьцяк – дробязь,*

плашмя – плазам, смотр – агляд и др. Чаще всего в таких парах количественно преобладающим является белорусский вариант: *ветка* (3 фиксации в упомянутой выше картотеке *Слоўніка мовы „Нашай Нівы”*) – *галіна* (10), *водка* (1) – *гарэлка* (27), *воздух* (6) – *наветра* (42), *займ* (1) – *пазыка* (11), *узятка* (2) – *хабар* (18). Более редкая обратная ситуация: *жыцель* (25 фиксаций) – *жыхар* (10), *урад* (25) – *правіцельства* (73).

7. Выводы

Анализ особенностей функционирования украинских и русских заимствований в белорусском языке начала XX в. позволяет сделать следующие выводы.

7.1. Интенсивность процесса заимствования из украинского и русского языков зависела, прежде всего, от устойчивости позиций языка-донора непосредственно на белорусской территории: его официального статуса и уровня языкового престижа. В соответствии с этой закономерностью приоритетным источником заимствования в белорусский язык был широкоупотребительный в Беларуси кодифицированный русский язык. А из ненормированного к этому времени украинского языка, с которым белорусский язык имел в основном пограничные контакты, пришло небольшое число лексем.

Давность межъязыковых связей не оказывала влияния на степень активности соседских языков как доноров: количественный приток элементов из русского языка, контакты с которым не имели продолжительной истории, был значительно более заметным по сравнению с числом единиц, заимствованных из украинского языка, тесно связанного с белорусским еще с древнего периода.

7.2. Качественный состав украинских и русских заимствований предопределяли как внутриязыковые, так и внешние факторы.

7.2.1. Небольшое количество фонетических и морфологических украинских и русских заимствований, возможно, было вызвано достаточной сформированностью фонетической и морфологической систем белорусского языка уже в пределах рассматриваемого периода и, соответственно, их устойчивостью перед иноязычными влияниями.

7.2.2. Преобладание среди заимствований обеих групп единиц лексического уровня, скорее всего, можно связывать с наибольшей проницаемостью лексики как языковой подсистемы.

7.2.3. Незначительное количество графических приемов и отсутствие синтаксических средств украинского происхождения можно объяснить наличием исключительно устных украинско-белорусских языковых контактов. Из русского же языка, взаимодействие с которым протекало как в устной, так и в книжно-письменной форме, пришло заметно большее число графем, а также орфограммы и синтаксемы.

7.2.4. Достаточно выразительная стилистическая функция украинизмов, вероятно, вызывалась особенностями их восприятия в белорусском контексте в качестве необычных, своеобразных, в определенном смысле даже экзотических компонентов. Это в свою очередь могло быть связано с тем, что для носителей белорусского языка начала XX в. иноязычность украинских лексем была довольно ощутимой. А русизмы, иностранное происхождение которых чувствовалось не так явно в силу распространенности русского языка на белорусской территории, реже выступали в роли стилистических единиц.

7.3. Характер освоения заимствований рассматриваемых групп также находился в зависимости от нескольких причин.

7.3.1. Глубокую формальную освоенность украинизмов и русизмов, вероятно, необходимо отнести на счет системной близости белорусского и контактирующих с ним украинского и русского языков.

7.3.2. Слабая семантическая адаптация русских лексем, очевидно, проистекала из недостаточной временной продолжительности русско-белорусских взаимосвязей.

7.4. Тематическая отнесенность и функциональная востребованность украинизмов и русизмов формировалась под воздействием следующих обстоятельств.

Причина тематического разнообразия украинских элементов, а также наличия для большинства украинизмов белорусскоязычных дублетов, скорее всего, кроется в поверхностности контактов с украинским языком, который, будучи ненормированным и не имея официального статуса, не мог служить авторитетным образцом при отборе заимствованных средств.

Номинативная востребованность определенной части русизмов в составе наименее разработанных разрядов лексики белорусского языка начала XX в. (канцеляризм, отвлеченной и терминологической лексики) предопределялась тем, что русский язык в этот период имел самый высокий престиж среди других контактных языков. А отмеченные в проанализированных текстах факты дублирования многих единиц русского происхождения белорусскими аналогами (во всяком случае, некоторые из них) могли быть результатом сознательной замены элементов насильственно насаждаемого языка собственными языковыми средствами.

7.5. В целом при употреблении и украинских, и русских заимствований не наблюдается системности, что проявляется на всех языковых уровнях – в использовании фонем, морфем, синтаксисом, лексем, графем и орфограмм. Соответственно можно констатировать, что влияние и украинского, и русского языков на белорусский язык не отличалось глубиной, и белорусский язык начала XX в. не был перенасыщен элементами даже генетически наиболее близких языков. Этому, вероятно, поспособствовали тенденции белорусского языкового и культурного возрождения, доминантой которого была ориентация на национальную самобытность и, соответственно, ограничение чужих языковых влияний.

Bibliografia

Źródła

- „Dziannica”. Bielaruskaja sztotydnioiwaja hazieta. 1916. Pietrahrad. [„Дзянніца”. Беларуская штотыднёвая газета. 1916. Петраград].
- „Nasza Dola”. Pierszaja bielaruskaja hazieta dla wiaskowaha i miastowaha raboczaha narodu. 1906. Wilnia. [„Наша Доля”. Першая беларуская газета для вясковага і мястовага рабочага народу. 1906. Вільня].
- „Nasza Niwa”. Pierszaja bielaruskaja hazieta z rysunkami. Wilnia. [„Наша Ніва”. Першая беларуская газета з рысункамі. 1906–1915. Вільня].
- Chto praudziwy pryjaciel biednago narodu.* (1903). London: Wyd. Polskaj partyi sac. u Litwie. [Хто праудзівы прыяцель беднаго народу. (1903). Лондан: Выд. Польскай партыі сац. у Літве].
- Czechau, Anton. (1910). *Swatannie*. Pieciarburh: „Zahlanie sonca i u nasza akonca”. [Чэхаў, Антон. (1910). *Сватанне*. Пецярбург: „Загляне сонца і ў наша аконца”].
- Czechau, Anton. (1914). *Miadzwiedz*. Pieciarburh: „Zahlanie sonca i u nasza akonca”. [Чэхаў, Антон. (1914). *Мядзведзь*. Пецярбург: „Загляне сонца і ў наша аконца”].
- Harszyn, Usiewaład. (1914). *Syhnal*. Wyd. druhoje, pierahledžanaaje. Wilnia: Bielaruskaje wydawieckaje tawarystwa, druk. Marcina Kuchty. [Гаршын, Усевалад. (1914). *Сыгнал*. Выд. другое, перагледжанае. Вільня, Беларускае выдавецкае таварыства, друк. Марціна Кухты].
- Horki, Maksim. (1910). *Archip i Lawonka*. Wilnia: Wyd. „Naszaj Chaty” №5 kosztam T.H., druk. Marcina Kuchty. [Горкі, Максім. (1910). *Архіп і Лявонка*. Вільня: Выд. „Нашай хаты” №5 коштам Т.Х., друк. Марціна Кухты].
- Jak zrabić, kab liudziat stała dobra na swieci.* (1903). London: Wyd. Polskaj partyi sac. u Litwie. [Як зрабіць, каб людзям стала добра на свеці. (1903). Лондан: Выд. Польскай партыі сац. у Літве].
- Kartoteka Słownika mowy „Naszaj Niwy” (Instytut językoznania imienia Jakuba Kołasa NAN Bielarusi). [Картотека Словніка мовы „Нашай Нівы” (Інститут языкознання імени Якуба Коласа НАН Беларусі)].
- Kazki.* (1904). Wydau A.K. Pieciarburh: Wyd. bielarus. t-wam „Kruh bielaruskaj nar. prawsiewety i kultury”. [Казкі. (1904). Выдаў А.К. Пецярбург: Выд. беларус. т-вам „Круг беларускай нар. прасветы і культуры”].
- Kołas, Jakub. (1910). *Piesni-žalby*. Wilnia: Wilenskaja drukarnia. [Колас, Якуб. (1910). *Песні-жалбы*. Вільня: Віленская друкарня].
- Kołas, Jakub. (1914). *Rodnuja zjawy*. Wilnia: Bielaruskaje wydawieckaje tawarystwa, drukarnia Marcina Kuchty. [Колас, Якуб. (1914). *Родныя з’явы*. Вільня: Беларускае выдавецкае таварыства, друкарня Марціна Кухты].
- Kosicz, Maryja. (1903). *Na piresialenja. Rasskaz tiotki Domny iz Polesja*. Czernigow: Tipografija gubernskiego ziemstwa. [Косич, Марія. (1903). *На пірэсяленья. Рассказ тетки Домны из Полесья*. Чернигов: Типография губернского земства].

- Крапіўніцкі, Марка. (1910). *Paszylisia u durni*. Pieciarburh: „Zahlanie sonca i u nasza akonca”.
- [Крапіўніцкі, Марка. (1910). *Пашыліся ў дурні*. Пецяўбург: „Загляне сонца і ў наша аконца”].
- Крапіўніцкі, Марка. (1911). *Pa rewizii*. Pieciarburh: „Zahlanie sonca i u nasza akonca”.
- [Крапіўніцкі, Марка. (1911). *Па рэвізіі*. Пецяўбург: „Загляне сонца і ў наша аконца”].
- Купала, Янка. (1908). *Žalejka*. Pieciarburh: „Zahlanie sonca i u nasza akonca” № 6, drukarnia K. Piantrouskaha. [Купала, Янка. (1908). *Жалейка*. Пецяўбург: „Загляне сонца і ў наша аконца” № 6, друкарня К. Пянткоўскага].
- Купала, Янка. (1913a). *Paulinka*. Pieciarburh: „Zahlanie sonca i u nasza akonca”. [Купала, Янка. (1913a). *Паўлінка*. Пецяўбург: „Загляне сонца і ў наша аконца”].
- Купала, Янка. (1913b). *Szlachat žussia*. Pieciarburh: „Zahlanie sonca i u nasza akonca”, drukarnia J. N. Erlich. [Купала, Янка. (1913b). *Шляхам жыцця*. Пецяўбург: „Загляне сонца і ў наша аконца”, друкарня Ю. Н. Эрліх].
- Lemciuhowa, Walancina (red). (2003–2015). *Stounik towy „Naszaj Niwy”*. 1906–1915. T. 1 (2003). T. 2 (2007). T. 3 (2015). Minsk: Technaŭhija. [Лемцюгова, Валянціна (рэд.). (2003–2015). *Слоўнік мовы „Нашай Нівы”*. 1906–1915. Т. 1 (2003). Т. 2 (2007). Т. 3 (2015). Мінск: Тэхналогія.].
- Łuczyna, Janka. (1903). *Wiazanka*. Pieciarburh: Wyd. „Kruh bielaruskaj nar. praswiety i kultury”, druk. K. Piantkouskaha. [Лучына, Янка. (1903). *Вязанка*. Пецяўбург: Выд. „Круг беларускай нар. прасветы і культуры”, друк. К. Пянткоўскага].
- Michalka. (1911). Pieciarburh: „Zahlanie sonca i u nasza akonca”. [Міхалка. (1911). Пецяўбург: „Загляне сонца і ў наша аконца”].
- Piesni. (1904). Łondan: Sinodalnaja tipografija (miesto izdanija wierojatnoje). [Пес’ні. (1904). Лондан: Синадольная типографія (место издания вероятное)].
- Pszczolko, Alaksandr. (1905). *Gorod i dierewnia*. Witebsk: Gubernskaja tipolitografija. [Пщелко, Александр. (1905). *Город и деревня*. Витебск: Губернская типолитография].
- Pszczolko, Aleksandr. (1913). *Flor iz Dubowki*. Witebsk: izd. I. D. Abmorszewa, tipografija „Energija”. [Пщелко, Александр. (1913). *Флор из Дубовки*. Витебск: Изд. И. Д. Абморшева, типография „Энергия”].
- Razskazy na bieloruskom parieczii. (1863). Wilna: Tipografija A. Syrkina. [Разсказы на бѣлорусском наречіи. (1863). Вильна: Типография А. Сыркина].
- Szauczenka, Taras. (1911). *Kaciaryna*. Wilnia: Wyd. „Pałaczanin”. [Шаўчэнка, Тарас. (1911). *Кацярына*. Вильня: Выд. „Палачанін”].
- Taras, Huszcza. (Kolas, Jakub). (1917). *Scenicznuja twory*. Minsk: Wyd. „Wolnaj Bielarusi”, drukarnia N. M. Nachumowa (starejszaha). [Тарас, Гушча. (Колас, Якуб). (1917). *Сцэнічныя творы*. Мінск: Выд. „Вольнай Беларусі”, друкарня Н. М. Нахумова (старэйшага)].
- Wielikodnaja pisanka. *Almanach*. (1904). Pieciarburh: Wyd. bielarus. t-wam „Kruh bielaruskaj nar. praswiety i kultury”. [Велікодная пісанка. Альманах. (1904). Пецяўбург: Выд. беларус. т-вам „Круг беларускай нар. прасветы і культуры”].

Opracowania

- Aniczenka, Uładzimir. (1969). *Bielaruska-ukrainskija pismowa-mounuju suwiazii*. Minsk: Nawuka i technika. [Анічэнка, Уладзімір. (1969). *Беларуска-ўкраінскія пісьмова-моўныя сувязі*. Мінск: Навука і тэхніка].
- Aniczenko, Władzimir. (1969). *Bielorussko-ukrainskije pismenno-jazykowyje swiazii. Awto-refierat dis. [...] dokt. nauk*. Minsk: AN BSSR Otd-nije obszczestw. nauk. [Аниченко, Владимир. (1969). *Белорусско-украинские письменно-языковые связи: Автореферат дис. [...] докт. наук*. Мінск: АН БССР Отд-ние обществ. Наук].
- Bachankou, Arciom (red.). (1994). *Leksikalohija sučasnaj bielaruskaj litaraturnaj mowy*. Minsk: Nawuka i technika. [Баханькоў, Арцём (рэд.). (1994). *Лексікалогія сучаснай беларускай літаратурнай мовы*. Мінск: Навука і тэхніка].
- Biłodid, Iwan (red.). (1970–1980). *Słownyk ukrajinskoji mowy*. T. 1–11. Kyiw: Naukowa dumka. [Білодід, Иван (ред.). (1970–1980). *Словник української мови*. Т. 1–11. Київ: Наукова думка].
- Birżakowa, Jelena, Wojnowa, Lidija, Kutina, Lidija. (1972). *Oczerki po istoriczeskoj leksikologii russkogo jazyka XVIII wieka. Jazykowyje kontakty i zaimstwowanie*. Leningrad: Nauka. [Биржакова, Елена, Войнова, Лидия, Кутина, Лидия. (1972). *Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования*. Ленинград: Наука].
- Bułachau, Michaił. (1958). *Razwiccio bielaruskaj litaraturnaj mowy u XIX–XX stst. wa uzaje-maadnosinach z inszymi sławianskimi mowami*. Minsk: Nawuka i technika. (AN BSSR. Bielaruski kamitet sławistau. IV Miżnar. zjezd sławistau. Dakłady). [Булахай, Міхаіл. (1958). *Развіццё беларускай літаратурнай мовы ў XIX–XX стст. ва ўзаемаадносінах з іншымі славянскімі мовамі*. Мінск: Навука і тэхніка. (АН БССР. Беларускі камітэт славістаў. IV Міжнар. з'езд славістаў. Даклады)].
- Cychun, Hienadz (adkazny za wypusk). (1975). *Bielaruska-polskija izaleksy. (Materyjały dla abmierkawannia)*. Minsk: AN BSSR. Red.-wyd. sawiet. In-t mowaznaustwa. [Цыхун, Генадзь (адказны за выпуск). (1975). *Беларуска-польскія ізалексы. (Матэрыялы для абмеркавання)*. Мінск: АН БССР. Рэд.-выд. савет. Ін-т мовазнаўства].
- Dal, Władzimir. (1978–1980). *Tolkowuj słowar żywego wielikorusskogo jazyka*. T. 1–4. Moskwa: Russkij jazyk (faksimilnoje pierieizd. po izd. 1880–1882 gg.). [Даль, Владимир. (1978–1980). *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1–4. Москва: Русский язык. (факсимильное переизд. по изд. 1880–1882 гг.)].
- Filin, Fiedot (red.). (1981). *Leksika russkogo litieraturnogo jazyka XIX–nacžala XX wieka*. Moskwa: Nauka. [Филин, Федот (ред.). (1981). *Лексика русского литературного языка XIX–начала XX века*. Москва: Наука].
- Hrinczenko, Boris (red.). (1907–1909). *Słowar ukrainskoi mowy*. T. 1–4. Kijew: Wydawnictwo „Naukowa dumka”. [Гринченко, Борис. (ред.). (1907–1909). *Словарь української мови*. Т. 1–4. Київ: Видавництво „Наукова думка”].
- Karalewicz, Stanisława. (1997). *Miesca i rola pałanizma u „Chronicy Litouskaj i Źamojskaj”*. U: Hanna Miezienka (red.). *Bielaruska-ruska-polskaje supastaulalnaje mowaznaustwa i litaraturaznaustwa. Materyjały IV Miżnarodnaj nawukowaj kanfierencyi*. Cz. 2

- (s. 221–225). Wiciebsk: Wydawiectwa Wiciebskaha dziazuniwersiteta. [Каралевіч, Станіслава. (1997). Месца і роля паланізмаў у „Хроніцы Літоўскай і Жамойцкай”. У: Ганна Мезенка (рэд.). *Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства*. Матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Ч. 2 (с. 221–225). Віцебск: Выдавецтва Віцебскага дзяржуніверсітэта].
- Kowalik, Iwan. (1975). *Rasprostranienije slow na -tel w wostocznoslawianskich jazykach*. W: Fiedot Filin (red.). *Aktualnyje problemy istorycznej leksikologii wostocznoslawianskich jazykow: tez. dokl. i soobszcz. wsiesojuz. naucz. konf., nojab. 1975 g.* (s. 166–167). Dniepropietrowsk: DGU. [Ковалик, Иван. (1975). Распространение слов на -тель в восточнославянских языках. В: Федот Филин (ред.). *Актуальные проблемы исторической лексикологии восточнославянских языков: тез. докл. и сообщ. всесоюз. науч. конф., нояб. 1975 г.* (с. 166–167). Днепропетровск: ДГУ].
- Kramko, Iwan, Jurewicz, Alena, Janowicz, Alena. (1967). Ewalucyja mowy i bielaruskich drukawanых wydanniau nowaha pieryjadu. *Wiesci AN BSSR. Ser. gramad. nawuk*, 3, s. 41–49. [Крамко, Иван, Юрэвіч Алена, Яновіч Алена. (1967). Эвалюцыя мовы беларускіх друкаваных выданняў новага перыяду. *Весті АН БССР. Сер. грамад. навук*, 3, с. 41–49].
- Krapiva, Kandrat (Atrachowicz, Kandrat) (red.). (1978–1984). *Tlumaczalny slownik bielaruskaj mowy*. T. 1–5. Minsk: BielEn. [Крапіва, Кандрат (Атраховіч, Кандрат) (рэд.). (1978–1984). *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*. Т. 1–5. Мінск: БелЭн].
- Krukouski, Mikalaj. (1958). *Ruski leksiczny uplyu na suchasnuju bielaruskuju litaraturnuju mowu*. Minsk: Wydawiectwa AN BSSR. [Крукоўскі, Мікалай. (1958). *Рускі лексічны ўплыў на сучасную беларускую літаратурную мову*. Мінск: Выдавецтва АН БССР].
- Lamieko, Wladimir. (1985). *Russkije leksiczijskije zaimstwowanija w bieloruskoj litieraturie wtorej polowiny XIX w.* W: *Regionalnyje osobiennosti wostocznoslawianskich jazykow, litieratur, folkloru i metody ich izuczienija: tez. dokl. i soobszcz. III resp. konf.* Cz. 1 (s. 119–121). Gomiel: GGU. [Ламеко, Владимир. (1985). Русские лексические заимствования в белорусской литературе второй половины XIX в. В: *Региональные особенности восточнославянских языков, литератур, фольклора и методы их изучения: тез. докл. и сообщ. III респ. конф.* Ч. 1 (с. 119–121). Гомель: ГГУ].
- Michniewicz, Arnold, Hirucki, Anatol. (1990). *Vaźmi majo slowa... Natatki ab leksiczym uzajetauplywie bielaruskaj i ruskaj mou u kanteckscie uzajemadziejannia kultur*. Minsk: Nawuka i technika. [Міхневіч, Арнольд, Гіруцкі, Анатоль. (1990). *Вазьмі маё слова... Нататкі аб лексічным узаемаўплыве беларускай і рускай моў у кантэксьце ўзаемадзеяння культур*. Мінск: Навука і тэхніка].
- Nasowicz, Iwan. (1983). *Slownik bielaruskaj mowy*. Minsk: Wydawiectwa BielSE imia Pietrusia Brouki (faksimilnaje wyd. „Słowaria bieloruskago narieczija”. Sankt-Pietierburg, 1870). [Насовіч, Иван. (1983). *Слоўнік беларускай мовы*. Мінск: Выдавецтва БелСЭ імя Пётруся Броўкі (факсімільнае выд. „Словаря беларускага наречя”. Санкт-Петербург, 1870)].
- Rusaniwskij, Witalij. (1973). *Słowjanški mižtowni zwjazki i formuwannia funkcjonalnych styliw ukrainkoj literaturnoi mowy XVI–XVII st.: dopowid na VII Mižnarodnomu zjizdi sławistiw (Warszawa, serpen 1973 r.)*. Kyiw: Naukowa dumka. [Русанівський, Віталій.

- (1973). *Слов'янські міжмовні зв'язки і формування функціональних стилів української літературної мови XVI–XVII ст.: доповідь на VII Міжнародному з'їзді славістів (Варшава, серпень 1973 р.)*. Київ: Наукова думка].
- Szknaĵ, Galina. (1989). *Bielorusko-russkije leksiko-siemantyczieskije sootwietstwija (imie-na suszcziestwitielnyje)*. *Awtorieferat dis. [...] kand. filol. nauk*. Minsk: BĜU. [Шкнай, Галина. (1989). *Белорусско-русские лексико-семантические соответствия (имена существительные)*. *Автореферат дис. [...] канд. филол. наук*. Минск: БГУ].
- Wajtowicz, Nina. (1954). Da pytannia ab dyjalektnaj asnowie bielaruskaj litaraturnaj mowy. *Pracy Instytutu mowaznaustwa AN BSSR*, 2, s. 155–181. [Вайтовіч, Ніна. (1954). Да пытання аб дыялектнай аснове беларускай літаратурнай мовы. *Працы інстытута мовазнаўства АН БССР*, 2, с. 155–181].
- Żurauski, Arkadź. (1967). *Historyja bielaruskaj litaraturnaj mowy*. T. 1. Minsk: Nawuka i technika. [Жураўскі, Аркадзь. (1967). *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*. Т. 1. Мінск: Навука і тэхніка].

Data nadesłania artykułu: 03.05.2018